

Шалимов С. В.

Развитие отечественной генетики в XX в.: дискуссионные вопросы в свете новейшей историографии.

История отечественной генетики – сложная и многогранная тема, получившая в последнее время широкое отражение в литературе различного жанра. Вместе с тем, в ее освещении имеются определенные «лакуны», – проблемы, которые либо вообще остались «в тени», либо недостаточно раскрыты в работах профессиональных историков. Кроме того, некоторые аспекты темы в контексте ряда новейших публикаций могут предстать в существенно ином свете.

Одной из таких важных и в то же время недостаточно изученных проблем, является история возрождения генетики в Новосибирском научном центре. Будучи частью истории Сибирского отделения РАН, новосибирского Академгородка, данный процесс представляет собой неотъемлемый элемент развития отечественной биологии, преодоления «лысенковщины».

В настоящее время в исследовании данной проблемы имеется значительный научный задел. Впервые достаточно многосторонняя картина (с отражением острых проблем) становления генетических исследований в новосибирском Академгородке была представлена не в исторических исследованиях. Приоритет здесь имели мемуары первого директора Института цитологии и генетики СО АН академиком Н.П. Дубинина и в особенности – основателя СО АН акад. М.А. Лаврентьева¹.

Говоря об исследованиях профессиональных историков, следует, прежде всего, отметить труды П. Джозефсона² и Н.А. Куперштох³, где рассматриваемый вопрос получил комплексное освещение с использованием разнообразных источников. Кроме того, имеется большое количество работ, написанных главным образом, специалистами-биологами, где в контексте более общих вопросов, рассматриваются коллизии вокруг Института цитологии и гене-

---

Шалимов Сергей Викторович, аспирант Новосибирского государственного университета.
Эл. почта: wshal@sibmail.ru

¹ Мемуары М.А. Лаврентьева впервые были изданы в 1979–1980 гг. в журнале «ЭКО», а затем в расширенном варианте воспроизведены к столетию Михаила Алексеевича (2000). Что касается воспоминаний Н.П. Дубинина, то его работа «Вечное движение» впервые была опубликована в 1973 г. и затем переиздавалась еще два раза.

² *Josephson P.* New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997. Джозефсон П.Р. – автор работ в области социальной истории советской и российской науки, в т. ч. монографий: *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkley, 1991; *Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*. N. Y., 1999. О его вкладе в исследование истории генетики см. подробнее: *Шалимов С.В.* Генетика в Новосибирском научном центре: версия Пола Джозефсона // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2008. Т. 7. Вып. 1: История.

³ *Куперштох Н.А.* Кадры академической науки в Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999.

тики СО АН ¹. Вместе с тем стоит отметить, что все они, в сущности, являются развитием парадигмы, представленной в мемуарах Н.П. Дубинина и М.А. Лаврентьева.

Ряд публикаций по названной теме подготовил автор статьи. Отметим наиболее значимые из них, где, в частности, был рассмотрен этап становления Института цитологии и генетики ², исследован наименее изученный период начала 1960-х гг. ³, а также проведен общий анализ процесса возрождения генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» ⁴.

Судя по всем вышеперечисленным работам, складывается общая картина, из которой следует, что в Новосибирском научном центре успешно шел процесс возрождения молодой науки, и вместе с тем, происходила острая борьба с рецидивами «лысенковщины», в т. ч. не исключалась возможность закрытия ИЦиГ или его кардинального реперофилитования в духе «мичуринской биологии».

В понимании данной ситуации ключевое значение имеет вопрос о принципиальной оценке событий, происходивших в биологической науке. Дело в том, что в подавляющем числе публикаций Т.Д. Лысенко представлен как лжеученый и своего рода «злой гений» отечественной биологии, а его учение бескомпромиссно признается лженаучным.

Между тем существует и другая точка зрения относительно фигуры Т.Д. Лысенко и его деятельности, которая хотя и получила гораздо меньшее распространение, однако, разумеется, требует анализа. Видимо, основоположником этой версии явился И.А. Бенедиктов ⁵, по мнению, которого «научные исследования Т.Д. Лысенко и его сторонников были четко нацелены на реальную отдачу и в ряде случаев уже приносили осязаемый практический эффект» ⁶.

Еще дальше в этом плане идут доктор философских наук В.А. Рыбин и кандидат физико-математических наук Б.А. Марков в публикации, посвященной писателю Д. Гранину. По их мнению, «внес свой вклад биолог Т.Д. Лысенко: при всей сложности тогдашней ситуации в биологической науке и при неоднозначности ее современной оценки его противникам сложно отрицать факт выведения им новых сортов разных культур, яровизацию зерновых, оригинальнейшие агротехнические приемы, такие как посе́вы по стерне и уни-

---

¹ Об этих работах см. подробнее: Шалимов С.В. Генетика в Новосибирском научном центре в период «оттепели»: проблемы историографии // Вестник Клио (Вып. 2). Новосибирск, 2007.

² Шалимов С.В. Из истории возрождения генетики в Новосибирском научном центре // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв. Бахрушинские чтения 2007 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2007.

³ Он же. Генетика в новосибирском Академгородке в начале 1960-х гг. // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История.

⁴ Он же. Возрождение отечественной генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964) // История науки и техники. 2009. № 6.

⁵ Бенедиктов Иван Александрович (1902–1983) – советский государственный деятель, народный комиссар земледелия СССР (1938–1943), 1-й зам. народного комиссара – министра земледелия СССР (1943–1946), министр земледелия СССР (1946–1947), министр сельского хозяйства СССР (1947–1955), министр совхозов СССР (1955–1957), министр сельского хозяйства РСФСР, зам. председателя Госплана РСФСР (1957–1959).

⁶ Сталин. Энциклопедия. М., 2008. С. 258.

кальные методы посадки картофеля, позволившие избежать массового голода во время войны»¹.

Следует отметить, что в некоторых публикациях по данному вопросу порой можно встретить еще более крайнюю точку зрения.

В частности, в работах научного сотрудника ИЦиГ Ю.Н. Иванова утверждается, что исследования формальных генетиков были, в сущности, практически бесплодными. И более того, по его мнению, борьба против Т.Д. Лысенко отражала наступление антикоммунистической идеологии. Названный автор делает далеко идущие выводы, в частности, отмечая: «Никакой пресловутой "лысенковщины" не было, а была "антилысенковщина" как этап "перестройки", разрушившей СССР»².

Первой специальной и в настоящее время единственной книгой, где в концентрированном виде проводится идея «реабилитации» Т.Д. Лысенко стала работа С.С. Миронина «Дело генетиков». Так, названный автор называет Т.Д. Лысенко «выдающимся естествоиспытателем советской страны», который «сделал целый ряд выдающихся открытий»³. Вместе с тем, данная работа представляет собой яркий пример априорных утверждений, не подтвержденных конкретными фактами.

Симптоматично, что «отголоски» этой проблемы, в особенности, вопроса о «научности» теории Т.Д. Лысенко можно обнаружить в настоящее время в научных дискуссиях генетиков. Так, в августе 2007 г. в Новосибирске прошла международная конференция «Развитие эволюционной идеи в биологии, социологии, медицине», посвященная 90-летию акад. Д.К. Беляева. По этому поводу в газете «Наука в Сибири» был помещен материал, в котором, помимо всего прочего, сообщалось: «Было несколько докладов по новой ветви генетики – эпигенетики. <...> Это новое и спорное направление – здесь можно впасть в "лысенковщину". <...> Лысенко говорил, что условия среды могут менять все. Эпигенетика сближается с этим подходом, считая, что изменения признака происходит не под воздействием мутаций и рекомбинаций, а благодаря изменению активности определенных генов, а этот механизм до конца не изучен»⁴.

В этой связи обратим внимание на доклад участников указанной конференции Е. Яблонки (Израиль) и Л. Лэмба (Великобритания). В их работе, в частности, отмечалось: «...Представления о наследственности и изменчивости в настоящее время начинают меняться на Западе. Сегодня биологи уже могут утверждать, что: 1). Не все наследственные изменения обязательно связаны с различиями в последовательностях ДНК; 2). Не все наследственные изменения имеют случайное происхождение; 3). Не все эволюционные изменения носят постепенный характер; 4). Не все паттерны эволюционной ивергенции напоминают древо».

В связи с этим названные авторы утверждают: «Первые три из этих вызовов, как известно, в бывшем СССР были включены в общую концепцию наследствен-

---

¹ *Литературная Россия*. 2009. 6 марта.

² *Иванов Ю.Н.* Исследования плодовитости в связи с теориями биогенеза. Новосибирск, 2009. С. 98. См. также другую работу: *Он же.* Мысли о науке и жизни. Новосибирск, 2009.

³ *Миронин С.С.* Дело генетиков. М., 2008. С. 189.

⁴ *Наука в Сибири*. 2007. 6 сент.

ности. Хотя Т.Д. Лысенко отрицал менделевскую генетику, но были среди русских и такие ученые, которые, подобно Д.К. Беляеву и его коллегам в Новосибирске, с одной стороны, знали и изучали менделевскую генетику, а с другой стороны, исследовали такие формы наследственности, которые западными биологами совершенно игнорировались».

И далее в тексте указывается: «Сегодня исследования Д.К. Беляева и его сотрудников можно интерпретировать в рамках развивающейся концепции эпигенетического наследования...»¹.

Второй важной крайне сложной проблемой представляется вопрос о взаимоотношениях научного сообщества и власти, в особенности, о роли партийно-государственных структур в процессе развития генетики. Долгое время в историографии господствовало одно направление, суть которого наиболее рельефно отражена в трудах В.Н. Сойфера, Ж.А. Медведева, а из работ регионального уровня в исследовании Е.Г. Водичева, где, в частности, утверждается: «Как показывают исследования, несмотря на сильнейшее давление со стороны политического режима, в середине 50-х – начале 60-х гг. не удалось полностью уничтожить эти научные направления. Ученые находили лакуны и “институциональные ниши” для продолжения своих “опальных” исследований. В силу этого совершенно очевидно, что нельзя изучать историю науки при Хрущеве, следуя логике официальных деклараций и постановлений – картина будет явно искаженной. Но характер и тон этих постановлений, касающихся, например, генетики, явно передает беспомощность и раздражение администрации»².

Данная позиция получила некоторое развитие в одной из последующих работ названного автора, где, говоря об идеологической компоненте научной политики в СССР, он отмечал: «И во времена Н.С. Хрущева, и в более поздний период господствующим оставался подход, при котором наука в СССР рассматривалась только через призму марксистской теории. При этом единственно верным гарантом “чистоты принципов” марксизма-ленинизма оставалась коммунистическая партия. Сохранение такого положения в принципе не исключало рецидивов сталинского идеологического обскурантизма в науке, т. е. прямого навязывания ученым тех или иных интерпретаций научных теорий, искажающих саму суть научного познания. И действительно, как показала практика, гарантировать себя от них научному сообществу полностью не удалось и при Н.С. Хрущеве, свидетельством чего стал новый расцвет “лысенковщины”»³.

Рассмотренный подход представляется нам несколько упрощенным. Для полноты картины приведем мнения авторитетных специалистов по истории и

---

¹ E. Jablonka, M.J. Lamb. The epigenome in evolution: beyond the modern synthesis // Вестник ВОГиС. 2008. Т. 12. № 1/2. В данном случае использован вариант, переведенный на русский язык и опубликованный д-р биол. наук, проф. С.И. Малецким: E. Яблонка, М. Лэмб. Эпигеном в эволюции: за пределами современного синтеза // Вісн. Укр. тов-ва генетиків і селекціонерів. 2008. Т. 6. № 2. С. 338–339.

² Водичев Е.Г. Путь на восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-е гг. Новосибирск, 1994. С. 27.

³ Он же. Управление наукой в СССР во второй половине XX в. – факторы инерции и точки роста // Традиции и новации в духовной культуре Сибири XVII–XX вв. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 112–113.

философии науки. Так, в недавно вышедшей коллективной монографии «Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX в.)» точка зрения, согласно которой дискуссии по важнейшим проблемам науки в рассматриваемый период утрачивали характер научных и становились идеологическими кампаниями, признается ошибочной. В частности, отмечается: «Действительно, вмешательство партийно-государственного руководства в дела науки, участие философов в названных дискуссиях с критикой новаторских научных направлений, идеологизация науки – неоспоримые факты. Но к этому дело не сводится. Видимо, в формировании однозначных, односторонних выводов сказались психологические особенности общественного сознания – стремление к свертыванию информации до четких, однозначно воспринимаемых формул, установка на поиск простых решений серьезных проблем. В действительности дело обстоит сложнее»¹.

В свою очередь, известный историк науки Э.И. Колчинский, связывая появление «лысенкоизма» с попытками создать в 1920-е гг. «пролетарскую» биологию, утверждает: «Однако не только, и даже не столько политическое руководство, сколько ученые были главными инициаторами идеологизации естествознания»².

Характерная точка зрения представлена в публикации А.В. Кожевникова. По мнению автора, в послевоенное время наука в СССР стала делом особой государственной важности, а ученые превратились в одну из элитных групп советского общества. Тем самым определенные ритуалы, существовавшие в партийной жизни, были перенесены из политической среды в академическую. Ученые были приглашены сыграть в игры с открытой повесткой и результатами, стимулировавшими инициативу снизу, конфликты и критику. Стремясь получить поддержку «сверху» ученые старались перевести концептуальные, институциональные, а также групповые и личные интересы на понятный политикам язык³.

Касаясь этого вопроса, необходимо обратить внимание на фундаментальный труд уже упомянувшегося Э.И. Колчинского «Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX в.». В книге представлен ряд важных концептуальных положений по истории отечественной биологии. Так, автор опровергает господствовавший долгое время подход, согласно которому борьба генетиков и «лысенковцев» рассматривалась с позиций деления на «черное» и «белое». Он, в частности, пишет: «Легенда о людях в "белых одеждах" мало соответствует открываемой историками картине постоянно инспирируемых дискуссий, многочисленных кампаний разоблачений, чисток и репрессий 1920-х–1940-х гг.»⁴. Кроме того, автор отмечает, что до 1964 г. имело место «частичное преодоление "лысенковщины"». По мнению Э.И. Колчинского, после смерти И.В. Сталина против Т.Д. Лысенко выступили физики, химики, математики и, таким образом, в био-

---

¹ *Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX в.)*. М., 2008. С. 7.

² *Колчинский Э.И.* Попытки «советизации» биологии в Ленинграде в годы «культурной революции» (1929–1932) // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 265.

³ *Кожевников А.В.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 52–53.

⁴ *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX в. (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб., 2007. С. 36.

логии возникла оппозиция, т. к. ученые не прекращали отстаивать свободу в научных исследованиях¹.

Последние из представленных выше утверждений Э.И. Колчинского требуют заострить внимание на еще одном неоднозначном вопросе, а именно на проблеме периодизации. Вопрос о хронологии событий представляется особенно важным в свете диаметрально противоположных точек зрения, встречаемых в литературе. Так, в ряде публикаций сложные события конца 1950-х – начала 1960-х гг., в сущности, остаются «в тени». В качестве примера можно привести работу Е.Г. Трубецковой и А.Д. Трубецкова, где, в частности, отмечается: «...умирает И.В. Сталин. В генетике быстро происходит возвращение работ в прежнее русло – лженаучность “лысенковщины” не нужно было даже доказывать². Еще однозначнее подобное суждение высказано в публикации Н. Делоне «Как физики спасали генетику»: «...уже к концу пятидесятих годов прошлого столетия догмы молекулярной генетики захватили умы большинства ученых мира. <...> Как волной смыло “лысенковство” в Советском Союзе»³.

В то же время в некоторых других работах, наоборот, «за скобками» остаются все положительные сдвиги, происходившие в годы «оттепели». Так, в биографической работе Н.М. Артемова и Т.Е. Калининой, посвященной С.С. Четверикову, безапелляционно утверждается: «Послевоенный период характеризовался дальнейшим усилением террора “лысенковцев”. Своей кульминации он достиг в 1948 г., когда была организована августовская сессия ВАСХНИЛ, на которой научная генетика была предана анафеме. После нее, вплоть до 1960-х гг., происходила не борьба двух направлений науки, а одностороннее преследование генетиков и выкорчевывание научных основ биологии путем подмены их “творческим дарвинизмом”»⁴.

Данную позицию разделяет акад. В.А. Струнников: «Многие надеялись, что после смерти Сталина эра “лысенковцев” закатится. Но, увы! Она продолжалась еще 12 лет. <...> Ходили смутные слухи о возможных переменах, но они не подтвердились, наоборот, активность “лысенковцев”, значительно усилилась»⁵. Такую же крайнюю точку зрения излагает С.Э. Шноль: «Нам молодым, казалось, что эта дикость не может продолжаться долго. Но прошло 16 лет. Только в 1964 г., после падения Хрущева был разоблачен Лысенко. Но еще много лет не могла подняться на ноги поверженная наука»⁶. Подобное мнение выражено в статье член-корр. Л.И. Корочкина и канд. биол. наук Л.Г. Романовой: «После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и установления в биологии диктатуры безграмотного агронома Лысенко все генетические исследования были запрещены. Возрождение генетики началось только в 1964 г.»⁷.

¹ Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов... С. 431.

² Трубецкова Е.Г., Трубецков А.Д. История публикации книги Л.И. Гутилевского «Заметки к павловскому учению о слове “цензура”» как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 212.

³ Делоне Н. Как физики спасали генетику // Здравый смысл. 2009. № 1. С. 33.

⁴ Артемов Н.М., Калинина Т.Е. Сергей Сергеевич Четвериков, 1880–1959. М., 1994. С. 123.

⁵ Струнников В.А. Шелковый путь. М., 2004. С. 196.

⁶ Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997. С. 253. См. также более позднюю работу: Он же. Герои, злодеи, конформисты российской науки. М., 2001.

⁷ Корочкин Л.И., Романова Л.Г. Генетика поведения человека и евгеника // Человек. 2007. № 2. С. 40.

Однако не все авторы столь однозначны в своих оценках. Так, по мнению член-корр. А.И. Захарова, к 1964 г. в СССР существовало, по меньшей мере, пять научных учреждений, широко проводивших генетические исследования ¹.

Кроме того, рубеж 1964 г., представленный во многих работах как переломный момент, также выглядит далеко не бесспорным. В частности, по мнению А.П. Акифьева, настоящая свобода для генетиков не наступила после снятия Н.С. Хрущева, т. к. начался возврат к «сталинизму» и критика Т.Д. Лысенко была сведена на нет ². Близкая точка зрения прослеживается в статье Э.И. Колчинского и М.Б. Конашева: «Считается, что период новых “заморожков” для генетиков был относительно непродолжительным. После октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., сместившего Н.С. Хрущева, генетика в нашей стране как будто вновь получила права гражданства. Но в полный голос о ее судьбе, о “лысенковщине” ученые и писатели смогли заговорить лишь в 1987 г.» ³.

Завершив рассмотрение «хронологической» проблемы точкой зрения крупного советского философа И.Т. Фролова. В его книге «Генетика и диалектика», изданной еще в 1968 г. утверждается: «Начало 60-х гг. было отмечено <...> новыми попытками Т.Д. Лысенко и его сторонников повернуть вспять развитие советской генетики, взяв своеобразный “реванш”, за поражения, полученные в предшествующие годы. <...> Но какого-либо ощутимого успеха эти попытки уже не имели. Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС положил конец субъективистским притязаниям...» ⁴.

Таким образом, история отечественной генетики включает в себя целый ряд сложных и противоречивых вопросов. Касаясь проблемы возрождения генетики в Новосибирском научном центре, следует сделать вывод, что в настоящее время для ее исследования заложена фундаментальная научная база. Вместе с тем состояние изученности темы убеждает в необходимости ее дальнейшего углубленного изучения. В свою очередь, альтернативный подход к фигуре Т.Д. Лысенко представлен лишь в публицистических работах. Тем самым на данный момент отсутствует объективная оценка феномена «лысенковщины», и этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Что касается проблемы взаимоотношения научного сообщества и власти, то здесь сделаны лишь первые шаги в пересмотре сложившихся представлений.

---

¹ Захаров И.А. Генетика во второй половине XX в. (личный взгляд). М., 2004. С. 21.

² Акифьев А.П. Генетика и судьбы. М., 2001. С. 29.

³ Колчинский Э.И., Конашев М.Б. Как «Правда» учила «Ботанический журнал» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 54.

⁴ Фролов И.Т. Генетика и диалектика. М., 1968. С. 114. См. также более позднее издание: Он же. Избранные труды: в 3-х т. Т. 2. Философия и история генетики. М., 2002.